

Сейчас Дэн Юй выглядел как прибитый морозом баклажан. В их возрасте операция казалась чем-то невероятно таинственным и пугающим. Дэн Юй подёргал Чу Фаня за одежду:

— Побудь со мной, а? Я попрошу папу позвонить в школу и отпросить меня, мне одному жуть как страшно.

Чу Фань фыркнул:

— Эх ты, трусишка.

Тем не менее он придвинул стул к больничной койке и сел. От соприкосновения с ледяным сиденьем он на секунду даже вздрогнул. Вскоре родители Дэн Юя вернулись в палату вместе с врачом, и мальчика повезли в операционную.

Сквозь жёлтую листву то и дело пролетали отдельные листья, дворничиха подметала опавшую за ночь хвою. У Чу Ляна была привычка: идя куда-то, он любил опустив голову считать плитки на тротуаре. В уездном городке плитка на дорогах была трёхцветной, и он предпочитал наступать только на тёмно-зелёную — красные и жёлтые ему не нравились. Сегодня Чу Фань отправился в больницу к Дэн Юю и в школу, судя по всему, не пойдёт. Чу Лян отсчитал уже в третий раз по девятьсот девяносто девять плиток, когда его кто-то хлопнул по плечу.

Чу Лян обернулся и увидел стоящего позади Чжан Дуна по кличке Двойная Обезьяна из соседнего квартала. Тот с ног до головы осыпал его оценивающим взглядом, а за его спиной маячили ещё двое парней его возраста. Чу Лян ничего не сказал, отвернулся и зашагал дальше, но не успел сделать и двух шагов, как его грубо дернули за плечо. Чжан Дун был рослым, так что Чу Лян от неожиданности пошатнулся, и лямка школьного портфеля соскользнула с плеча, забавно раскачиваясь на руке.

— Тьфу ты, больно заносчивый, я смотрю, — Чжан Дун покосился на Чу Ляна и пару раз толкнул его в грудь.

По обе стороны дороги тянулись новостройки, заселённые ещё не до конца, а вокруг как раз шли на занятия школьники. Заметив потасовку, они тут же окружили их зеваками.

Чу Лян поправил сползшую лямку портфеля, поднял глаза на Чжан Дуна и посмотрел на него таким не по-детски леденящим взглядом, что тот невольно отшатнулся на пару шагов. Оглянувшись на своих прихвостней, Чжан Дун снова подступил к Чу Ляну, собираясь пустить в ход кулаки.

Однако ударить он так и не успел: в животе внезапно вспыхнула острая боль. Свернувшись калачиком, Чжан Дун рухнул на землю и зажал живот руками. Удар оказался на редкость тяжёлым — от боли у него даже выступили слёзы на глазах. Не успел Чу Лян толком прийти в себя, как кто-то схватил его за руку и потащил за собой.

Чу Лян увернулся от летевшего в него кулака Чжан Дуна и уже было сосредоточенно устоял на ноги, как вдруг перед глазами мелькнула чья-то фигура, и его стремительно увлекли прочь.

Чжан Дун никак не ожидал, что у Чу Ляна объявится защитник. Получив удар исподтишка, он долго не мог отдышаться, а когда опомнился, Чу Лян с помощником были уже далеко. Чжан Дун досадливо топнул ногой: он-то надеялся задрать младшего брата Чу Фаня и покрасоваться перед всеми, а в итоге сел в лужу. Попытка поживиться обернулась убытком, и от злости его просто распирало.

Пробежав метров сто, Чу Лян наконец поднял голову на своего спасителя. Им оказался Пэй Линь — тот самый парень, который вечно без причины таскал у него ластик и листал учебники. Пэй Линь бежал и на ходу оглядывался, проверяя, не преследует ли их кто. К счастью, от этого места до школы было недалеко, и всего через несколько минут показались массивные чёрные ворота учебного заведения, у которых дежурный в будке проверял у учеников школьную форму и значки.

— Наконец-то добежали, я весь выдохся, — Пэй Линь согнулся пополам и судорожно задышал.

Воздух стоял холодный, ледяная струя ударила в нос прямо как вода, отчего стало так неприятно, что на глаза навернулись слёзы, а в ушах отчаянно гудело. Сделав пару вдохов, Пэй Линь обернулся к Чу Ляну: — Ты что, и правда собирался драться с этим громилой?

Чу Лян промолчал и, поправив портфель, зашагал к школьным воротам. Вахтёр проверил значок и форму. Чу Лян на секунду замер и оглянулся на Пэй Линя:

— Опоздаем.

Это были первые слова, которые Чу Лян сказал ему по собственной воле. Пэй Линь расплылся в улыбке и поплелся следом, продолжая без умолку трещать:

— А знаешь, я ведь тогда тоже струсил на самом деле. Если бы ударил недостаточно сильно, нам бы не поздоровилось. И с чего это ты насолил этому толстому медведю? Чего он к тебе пристал...

Под толстым медведем Пэй Линь имел в виду Чжан Дуна, успев на ходу наградить того новой кличкой.

Чу Лян ничего не ответил. Интересно, каково бы пришлось Двойной Обезьяне, узнай он, какое прозвище дал ему Пэй Линь? Впрочем, толстый медведь звучало куда лучше обезьяны, думал про себя Чу Лян, пропуская мимо ушей всё, что Пэй Линь говорил дальше.

Весь утренний день Пэй Линь увивался за Чу Ляном, и как бы тот ни отмахивался, рот у болтуна не закрывался ни на минуту. Даже видя, что Чу Лян молчит, Пэй Линь ни капли не скучал и продолжал весело щебетать о чём-то своём, выложив биографию семьи едва ли не от дедушки до нынешнего поколения. И лишь когда Чу Лян в n-й раз рявкнул ему остановиться, он с заметным сожалением умолк.

В школьной столовой толпился народ, все выстроились в очереди за едой. Для Чу Ляна это был первый раз в новой школе, когда он ел в компании других людей. Раньше тоже находились девочки, которые специально садились рядом с ним, но стоило им задать десяток вопросов, как в ответ они не получали ни слова, и со временем охота лезть к нему с разговорами у них отпадала.

После уроков Чу Фань не пришёл его встречать — Пэй Линь ещё днём позвонил отцу и, конечно же, ничего не сказал про неприятности с хулиганами, а сочинил какую-то отговорку. Когда занятия закончились, отец Чу Фаня уже ждал у школьных ворот. Всё время по дороге домой Чжан Дун тащился слева позади них, но сунуться так и не посмел.

После этого случая Чу Лян перестал сторониться Пэй Линя, как раньше, и теперь даже изредка перекидывался с ним парами фраз. И хотя слов от Чу Ляна по-прежнему удавалось вытянуть не так много, в глазах Пэй Линя это был огромный прогресс.

Что же касается Дэн Юя, то после операции он на удивление сильно похудел. И хотя некоторая пухлость осталась, выглядел он теперь куда стройнее прежнего.

Как по расписанию подступила зима. Чу Лян тоже заметно раздался вширь, на его маленьком лице появились мягкие щёчки, до того нежные на ощупь, что просто прелесть, а огромные глаза делали его похожим на фарфоровую куклу. Розовощёкого малыша только дай волю потискать, чем Чу Фань постоянно и занимался, приговаривая при этом:

— Овсянка, расти ещё круглее, стань потолще, тогда тискать тебя станет ещё веселее.

Мать, мывшая овощи на кухне, услышала его слова и крикнула:

— Сам бы лучше поправился, одни кости торчащие, прямо как мартышка. Ещё подумают, будто мать тебя голодом морит.

Сколько бы Чу Фань ни ел, в нём всё уходило исключительно в рост. За последнее время он вытянулся, точно побег бамбука после весеннего дождя, так что матери даже пришлось вести его в магазин за обновками.

— Да я же не специально, вся еда в этого увальня уходит! — Чу Фань с явным неудовольствием ещё раз потискал детские щёчки и лишь с неохотой отступился.

Отец сидел за газетой. Опустив скрывавший лицо лист, он бросил на Чу Фаня взгляд:

— Тот, кто ел, признаёт долг, а ты поешь — и в кусты, ещё хватает совести возмущаться.

Чу Фань тут же сник: похоже, всё так и было. Теперь отец с матерью образовали единый фронт, и совладать с ними он был совершенно не в силах.

После ужина Чу Лян сидел за столом, склонившись над уроками. Чу Фаню в последнее время до смерти не хотелось делать домашку, он только и делал, что бездумно переписывал чужие ответы, отчего голова шла кругом. За окном закружились мелкие снежинки. Чу Фань потёр глаза: и правда снег, не померещилось же.

— Овсянка, Овсянка, глянь-ка скорее, снег идёт! Ай да снег, снег!

Чу Фань безумно любил снегопады. Стоило зиме принести первый снег, как он преображался, словно принявши допинг, и принялся вовсю трясти погруженного в учёбу Чу Ляна. Тот поднял голову и посмотрел в окно: в тусклом свете уличного фонаря не было и следа никаких снежинок — те белые хлопья оказались всего-навсего бумажными обрывками от детских хлопушек, которые ветер поднял в воздух.

Поприглядывавшись с секунду, Чу Фань понял, что это действительно не снег, и тут же сдулся, как проколотый мяч. Он уткнулся лицом в постель и заворочался туда-сюда:

— А я уж губы раскатал, эх, зря обрадовался. Спать, спать.

Чу Фань дрыгнул ногой, скинув ботинки прямо на пол. На дворе стоял холод, пришлось подстелить ещё одно одеяло, но Чу Фань страшно мёрз: стоило ему забраться под одеяло, как его начинало трясти в три ручья, тело била мелкая дрожь, а зубы стучали друг о друга. Мать категорически запрещала пользоваться электропростыней, заявляя, что от неё один вред здоровью, из-за чего Чу Фань потом ещё долго сокрушался.

Чу Лян отложил ручку и тоже нырнул под одеяло. Летом его тело всегда было прохладным, зато зимой — на редкость горячим, слоим печка. Чу Фань расплылся в довольной улыбке и прижался к Чу Ляну поближе. Малыш так приятно грел, всё-таки иметь младшего брата — великое дело, не прошло и минуты, как холод отступил.

Видя, что тот почти заснул, Чу Лян потихоньку выбрался из-под одеяла, подобрал брошенные как попало ботинки Чу Фаня и аккуратно поставил их у кровати. Затем он погасил настольную лампу, на цыпочках дошёл до окна, плотно задернул шторы и только после этого взял тетради и вышел в гостиную.

Заданий задали немало, в новой школе он местами отставал от программы, так что приходилось поднатужиться. Разобравшись с уроками, Чу Лян достал дополнительный задачник и прорешал упражнения оттуда. Когда он закончил и собрал ранец, на часах было уже десять. В переулке по-прежнему горели фонари, и в их тусклом свете кружились крошечные, робкие снежинки.

Вот бы снег пошёл посильнее — завтра утром Чу Фань сразу бы его увидел.

На следующее утро, едва забрезжил серый рассвет, Чу Лян уже встал. Распахнув окно, он ахнул: вокруг всё бело от заносов, как же здорово!

Он на цыпочках забрался обратно под одеяло, собираясь разбудить Чу Фаня, но тот зимой был ужасным соней, да и снег никуда бы не делся — полюбоваться им можно будет и чуть позже. Бледный свет, отражённый от белых сугробов, смутным заревом ложился на лицо Чу Фаня. Чу Лян неподвижно смотрел на него: вообще-то черты лица у Чу Фаня были очень даже ничего.

— Овсянка, Овсянка, снег! Снег выпал, до чего же здорово!

Проснувшись, Чу Фань первым делом бросил взгляд на шторы. Сегодня за окном почему-то было гораздо светлее обычного. Натянув термобельё, он подбежал к окну и единым движением дёрнул занавески в стороны. Глазам предстало ослепительно-белое полотно, от яркого блеска которого даже немного закружилась голова. Чу Фань теребил край занавески, раскачиваясь из стороны в сторону, а на лице его сияла самая широкая улыбка.

Мать как раз готовила завтрак. Услышав дикие вопли, она приоткрыла дверь и глянула на приплясывающего Чу Фаня:

— Чего раскричался с самого утра, словно оглашенный? Живо одевайся!

Стоило появиться снегу, как Чу Фань в два счёта натянул одежду. Умывшись, он схватил со стола паровой пирожок и пулей выскочил во двор. Клумбы по обе стороны давно уже засохли, стебли сгнили и смешались с землёй, а от виноградной беседки остались лишь голые иссохшие лозы, почти целиком занесённые сугробами. Толстый слой снега лёг на них изгибистыми волнами, напоминая белые пушистые ленты.

Чу Лян вышел вслед за ним, правда, в руках он держал варёное яйцо и пачку молока. Чу Фань довольно усмехнулся. Чу Лян всегда ел быстрее него, поэтому по утрам завтрак обычно держал Чу Лян, а Чу Фань, по пути на велосипеде, просто оборачивался, откусывал кусочек и ехал дальше. Сегодня времени было предостаточно, так что он никуда не спешил.

— Чу Фань... — со стороны двора слышался девичий голос, мягкий и жеманный. Чу Ляну это очень не понравилось. Он знал, что это та самая девушка по имени Ми Цзюань. Дэн Юй вечно

твердил, что она влюблена в Чу Фаня, и эта мысль вызывала у Чу Ляна лишь досаду. Сам же Чу Фань, казалось, был совсем не против — они часто проводили время вместе.

На этот раз Чу Фань не стал просить Чу Ляна держать завтрак. Быстро очистив яйцо и запихнув его в рот, он припустил к воротам двора. Чу Лян застыл на месте, глядя вслед уходящему другу. Настроение у него окончательно испортилось. Постояв в оцепенении несколько секунд, он вбежал в дом, схватил их школьные сумки и, крикнув матери, что уходит в школу, тут же бросился следом.

Ми Цзюань была одета в белую пушистую кофточку, красную плиссированную юбку и белые сапожки. Чу Лян мельком взглянул на неё и недовольно поморщился: вылитая Санта-Клаус. — Чу Фань, подбрось меня сегодня, у меня велосипед сломался.

Ми Цзюань уселась сзади на багажник старого велосипеда Чу Фаня с видом полноправной хозяйки, явно не собираясь слезать. Чу Лян надул щеки — ну кто в это поверит? От дома Ми Цзюань досюда — добрых полпути до школы, с какой стати ей делать такой крюк и ехать сюда?

— Э-э... — Чу Фань замялся. Умение Дэн Юя кататься на велосипеде за последнее время значительно улучшилось, с ним пассажир не упадет, так что подвезти Ми Цзюань было бы не проблема. Проблема заключалась в том, что Чу Лян не любил ездить вместе с Дэн Юем.

— Брат... — тихо позвал Чу Лян, опустив голову. За спиной у него висел маленький ранец, а в руках он держал сумку с учебниками Чу Фаня. Его пальцы нервно теребили друг друга, а помпон на шапке качался перед глазами туда-сюда, отчего у Чу Фаня даже закружилась голова. Глядя на жалкий вид ребенка, он почувствовал угрызения совести. Взяв свою сумку и закинув ее на плечо, он сказал Ми Цзюань:

— Пусть тебя Дэн Юй подвезет, а я должен везти своего младшего брата.

Чу Лян ничего не сказал в ответ и продолжал опускать голову, теребя пальцы, однако уголки его губ скрытно поползли вверх.

— Твой брат такой избалованный, — Ми Цзюань бросила косой взгляд на Чу Ляна. Ей ужасно не нравился этот младший братец Чу Фаня. Что бы Чу Фань ни делал, он вечно таскал его с собой; даже когда они гуляли вместе, стоило появиться Чу Ляну, как Чу Фань тут же во всем начинал его слушать. — Мне все равно, я хочу, чтобы ты меня вез. Я ведь проделала такой путь, чтобы найти тебя! — Что ты такое говоришь? Я же сказал: не возьму, значит, не возьму. Не нравится — иди пешком. — Чу Фань терпеть не мог, когда кто-то отзывается о Чу Ляне плохо, поэтому, не раздумывая, прикрикнул на Ми Цзюань. В этот момент как раз подоспел Дэн Юй. Он был влюблен в Ми Цзюань еще со второго класса, хотя прекрасно знал, что она не отвечает ему взаимностью.

Ми Цзюань опешила от такой грубости со стороны Чу Фаня:

— А что такого? Я правду сказала: неженка, ведет себя как девчонка, чуть что — сразу в слезы.

— Еще слово, и получишь у меня, веришь? — Чу Фань сначала чувствовал себя виноватым — ведь Ми Цзюань рано встала, чтобы прийти сюда, и это было непросто. Но теперь он по-настоящему разозлился, особенно когда увидел блеск слез в больших глазах Чу Ляна. Гнев

просто закипал внутри.

— Ой, да перестаньте вы ссориться, а то тетя услышит, и нам несдобровать, — вмешался Дэн Юй, решив выступить миротворцем. Чу Фань лишь фыркнул и замолчал. Он действительно не хотел, чтобы мать что-то узнала. Хотя между ним и Ми Цзюань ничего не было, перспектива объясняться с матерью его порядком раздражала.

— Чу Фань, ты еще вспомнишь это! — крикнула Ми Цзюань, резко дернула головой и ушла.

— Может, не стоило так? — Дэн Юй хоть и любил Ми Цзюань, но ее скверный характер признавал. Однако идти отсюда пешком — это же точно опоздать.

— Плевать на нее, — Чу Фань похлопал по заднему сиденью велосипеда. — Чу Лян, скорее, садись.

Чу Лян кивнул и забрался на сиденье. Всю дорогу он молчал, уткнувшись головой в спину Чу Фаня. Чу Фань был очень худым, так что, прижавшись к нему, можно было чуть ли не прощупать все кости, но Чу Ляну это нравилось.

— Эй, Чу Лян, полегче, ты меня сейчас до смерти задушишь, — проворчал Чу Фань. Чу Лян обхватил его за пояс и постепенно усиливал хватку, так что у Чу Фаня стало сдавливать живот, стало некомфортно.

— Ой, — буркнул Чу Лян, но рук не разжал.

— Ты не слушай ее, она вечно всякую ерунду болтает, — Чу Фань вспомнил слова Ми Цзюань и подумал, что это было действительно чересчур. Боясь, что Чу Лян примет сказанное близко к сердцу, он решил оправдаться.

Чу Лян поначалу не придавал значения словам Ми Цзюань, но после того, как Чу Фань начал оправдываться, ему показалось, что тот защищает ее, будто они — одна семья, а он, Чу Лян, — чужой человек. Стало так тошно, что он с силой сжал пальцы на поясе Чу Фаня, впившись в его бок. Чу Фань от неожиданности потерял равновесие, и оба они рухнули на землю.

— Ну ты чего? — Чу Фань поднялся, отряхнул снег и посмотрел на Чу Ляна, который полусидел в сугробе. В его голосе сквозило легкое раздражение. Хорошо еще, что снег утром был чистым и рыхлым, так что падение оказалось мягким, но все равно, валяться посреди улицы было постыдно.

Чу Лян молчал. Крупные слезы градом катились по щекам, падая в снег и оставляя в нем маленькие воронки. Чу Фань взглянул на мальчика, и его сердце тут же смягчилось. Ай-яй, прости, прости, не стоило мне на тебя рычать. Только не плачь, прошу! — Сказав это, он поднял велосипед. — Скорее, а то и правда опоздаем. Мне-то что, а вот тебя каждый день

хвалят, не могу же я тянуть тебя на дно.

Ну всё, в следующий раз не будем обращать на неё внимания, перестань плакать. — Чу Фань чувствовал себя совершенно беспомощным. Слезы Чу Ляна обладали для него сокрушительной силой, он не мог им противостоять. Сейчас, не считая всяких причудливых методов его матушки, слёзы Чу Ляна были для него абсолютным оружием.

Чу Лян поднял голову — глаза у него были ясные, чистые, в них не осталось ни следа от слёз. Чу Фань вздохнул: неужели у него там выключатель? Даже если бы это был водопроводный кран, вода ещё какое-то время должна была капать.

Хотя всю дорогу Чу Фань отчаянно жал на педали своего старого Молнии, они всё же трагически опоздали. Снег лежал слишком глубокий, что тоже сказалось на скорости. Едва Чу Фань добрался до ворот школы, как его перехватил Янь Куань. Янь Куань посмотрел на ребёнка рядом с Чу Фанем и кивком велел тому идти внутрь. Чу Лян не шелохнулся, вцепившись в одежду Чу Фаня и не отпуская её.

Ничего, иди на урок, я найду тебя чуть позже. — Чу Фань знал, зачем его ищет Янь Куань: не иначе как из-за опоздания, а следом потянется целый список: не сдал домашку, отвлекался на уроках и всё в таком духе.

Чу Лян вошёл в школу, то и дело оглядываясь. Хотя он не знал, по какому делу учитель Янь искал Чу Фаня, он понимал — ничего хорошего не выйдет. Брата точно накажут. А если узнает матушка... Чу Лян вспомнил, как после последнего родительского собрания она заставила Чу Фаня перебирать маленькую миску чёрного и белого кунжута.

Проводив взглядом уходящего мальчика, Чу Фань выпрямился и максимально громко и почтительно произнёс: Доброе утро, учитель Янь!

Янь Куань хмыкнул. Было бы удивительно, если бы утро было добрым. Этот ученик скоро доведёт его до того, что он лишится должности заведующего учебной частью. В этом семестре уже многие учителя жаловались на пагубное поведение Чу Фаня: отвлекается на уроках, не сдает домашние задания, спит на занятиях, опаздывает и рано уходит...

Марш за мной в учебную часть. — Бросил Янь Куань и зашагал к школьным воротам.

Чу Фань стоял перед письменным столом, уставившись на портрет дедушки Мао в синем френче. На офисном столе надрывался телефон. Сейчас будут звонить матушке или батюшке? Чу Фань мгновенно сник. Если позвонят батюшке — ещё ладно, в худшем случае получит взбучку. А вот если матушке... По спине Чу Фаня пробежал холодок. Неужели в этот раз будет целая суповая чаша чёрного и белого кунжута? Лучше бы его сразу убили. В прошлый раз он целую ночь напролёт сидел, перебирая эту миску, глаза уже в кучу съезжались. Уж не знаю, где матушка нахваталась этих методов: ни криков, ни побоев, а изводит его так, что сил почти не остаётся. Уж лучше бы просто задала хорошую трепку — и то было бы легче.

Когда Чу Фань увидел, как к офису порывисто приближается матушка, он издал горестный вопль. Лёгко на помине, только вспомнишь — а она тут как тут.

Он простоял в офисе весь первый урок, пока Янь Куань изливал свою печаль. На втором уроке эстафету перехватила учительница английского. В конце концов, учителя, видимо, посчитали, что по очереди тратить время слишком накладно, и просто отправили представителя, который пришёл пожаловаться на все его ужасные прегрешения.

Опоздания, ранние уходы, отвлечение на уроках, невыполнение домашних заданий, приставания к одноклассникам, сон на занятиях, жевание жвачки, подделка подписи родителей... Слушая это, Чу Фань оцепенел и едва не вознёсся на небеса. Он пытался понять: неужели они точно говорят о нём? Когда представитель закончил свой горестный сказ, он, вздыхая на каждом шагу, вышел из кабинета.

Учитель, не беспокойтесь, я обязательно хорошенько воспитаю этого мальчишку. — В тот момент, когда матушка произнесла слово воспитаю, Чу Фань отчётливо услышал скрежет её зубов.

Нет-нет, возможно, это наши методы обучения оказались неверны. Чу Фань очень умён, если наставить его на путь истинный, он наверняка покажет отличные результаты. — Янь Куань притворился, что не заметил, как матушка скрипнула зубами, и мгновенно сменил амплуа с плачущей девицы Линь на великую святую Марию.

Что вы, учитель, вы правы. Это мы плохо его воспитали. Хе-хе... — Матушка натужно рассмеялась и, ухватив Чу Фаня за шиворот, вытянула из кабинета. Янь Куань так и остался стоять, ошарашенный: хотя он именно этого и добивался, вслух он подобных слов не произносил.

Сегодня после обеда попрыгаешь домой лягушкой. За каждый шаг — плюс день наказания. Я приду вечером и проконтролирую. — Матушка улыбнулась, посмотрела на него и пару раз хлопнула по плечу.

У Чу Фаня уже не осталось сил на сопротивление. Да и какой смысл сопротивляться? Лучше поберечь силы для прыжков. Путь до дома неблизкий, ноги точно отвалятся. К тому же там полно народу — позор на весь мир, нет, даже на всю Солнечную систему, если не дальше!

Чу Фань взглянул на часы в кабинете. Ай-яй, всё утро прошло, а он обещал навестить Чу Ляна. Дёрнув за воротник, за который его держала матушка, он со всех ног бросился вниз по лестнице, к учебному корпусу.